

УДК 902

С. В. Рыбаков

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Статья посвящена XIII в., когда русские земли подверглись двойной агрессии — с запада и востока. Успешно воевать на два фронта ослабленная раздробленностью Русь не могла. Необходим был взвешенный геополитический выбор, который позволил бы ей сохранить исторические перспективы. Выбор был сделан в пользу взаимодействия с Золотой Ордой.

монголы, крестоносцы, католическая агрессия, Батыев погром, Александр Невский, Даниил Галицкий, геополитический выбор, православие

К XIII в. децентрализованная, ослабленная княжескими усобицами Русь потеряла былое оборонное могущество. В то время как русские князья тратили энергию на междоусобные распри, и на востоке, и на западе от Руси вызревали грозные предзнаменования для нее.

В начале XIII в. монгольский вождь по имени Чингисхан объединил многие степные племена, создал сильное войско и начал завоевательные походы, последовательно подчиняя себе Китай, Индию, Персию, Среднюю Азию, Закавказье. Была создана огромная Монгольская империя. Продвигаясь в западном направлении, войска Чингисхана приближались к русским границам.

В это же время западноевропейские рыцари-феодалы, объединённые в военно-религиозные ордена, начали наступление на православную Византию, захватив и разграбив Константинополь. Тогда же отряды немецких крестоносцев вторглись на земли западных славян и прибалтов. В 1201 г. немцы основали крепость Ригу. В Прибалтике возникло военно-государственное образование под названием Ливонский орден. Западно-европейские феодалы и верхи католической церкви рассматривали его как плацдарм для дальнейшего продвижения на восток, т.е. на Русь.

Столкновение Руси с монголами и немцами произошло почти одновременно. И в том, и в другом случае оно имело печальные последствия для неё, послужив «тревожным звонком», последним предупреждением русским князьям, после которого они должны были бы прекратить споры между собой и объединиться перед лицом грозной опасности. Но князья не вняли этому предупреждению.

В 1223 г. монгольское войско вошло во владения половцев. Половецкие ханы обратились за

военной помощью к русским князьям. В свою очередь, монголы отправили послов в Киев, предложив киевскому князю мир в обмен на отказ помогать половцам. Это предложение не было принято, а послы были убиты. Суздальская летопись, повествуя о тех событиях, сообщает: «Уведавше татарове, что идут князи русские против них и прислаша послы к князям русским: “се слышим, оже противу нас идете, послушавше половец, а мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сёл. ...Возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет”». Но «князи русии того не послушаша и послы татарские избиша» [1, с. 505]. Убийство монгольских послов в Киеве оказалось крайне необдуманным, ошибочным поступком, имевшим тяжёлые последствия для Руси.

Общей стратегии у русских князей не было, и они так и не сумели договориться между собой. Одни из них отказались помогать половцам, другие двинули свои дружины на соединение с половецкими отрядами для битвы с монголами на реке Калке. Но и те русские князья, которые решили воевать с пришельцами, не сумели согласовать единую тактику, действовали разрозненно, вследствие чего «побиша татарове князей русских». По словам летописца, весть об этом произвела гнетущее впечатление на всю Русь: «Бог вложил недоумение в нас: погибло бес числа много людей, и бысть вопль и воздыхание, и печаль по всем градам и волостям» [1, с. 509].

В 1224 г. немцы захватили в Прибалтике Юрьев, основанный в XI в. Ярославом Мудрым, и расправились со всеми жителями города, не пощадив ни стариков, ни младенцев. Санкцию на резню крестоносцам дал папа римский Гонорий III, возложивший на них «миссию» железом и

кровью насаждать католицизм на востоке Европы. Этот кровавый пример послужил для новгородцев, псковичей, суздальцев наглядным уроком и стимулом к повышению бдительности. Населению северо-запада Руси стала ясна степень нависшей опасности.

Преемник Гонория III Григорий IX призвал немецких, шведских, датских рыцарей усилить давление на Русь. В ноябре 1232 г. он подписал буллу с требованием к Ливонскому ордену организовать поход против новгородских «схизматиков». Весной 1234 г. для того, чтобы охладить завоевательный пыл ливонцев, переяславский князь Ярослав Всеволодович привел свои полки в Новгород и «иде с новгородци на немци под Юрьев». Крестоносцы были разбиты, «и биша челом князю Ярославу, и смирившися отъидоша» [1, с. 513]. Успех Ярослава Всеволодовича на какое-то время приостановил католическую агрессию против Руси. Однако ни папа римский, ни немецкие рыцари от планов по организации «северного крестового похода» не отказались.

В 1237 г. привычное течение жизни в Северо-Восточной Руси трагически оборвалось. Внук Чингисхана Батый, исполнившись жадностью отомстить русским за убийство монгольских послов в 1223 г., нанёс беспощадный удар по русским городам. Русские князья, их дружины и простые люди стойко сопротивлялись батыеву войску, но каждый город делал это отдельно от других. Летопись повествует о том, что князья не смогли сплотиться даже в смертный час: «Послаша князи рязанские ко князю Юрию Володимирскому, просячи себе помощи или самому пойти. Князь же Юрий сам не иде, ни послуша князей рязанских мольбы, но хотел сам особую брань сотворить» [1, с. 514]. Монголы стерли Рязань с лица земли.

Судьба Владимира была ничем не лучше. Собственных сил великого князя Юрия Всеволодовича оказалось недостаточно, и столичный город, как и Рязань, был разрушен, а сам князь погиб. Младший брат Юрия Ярослав Всеволодович, закаленный в боях с немцами и имевший немалый авторитет на Руси, переехал из Переяславля на великокняжеский стол в Владимире, чтобы привести в порядок, насколько это было возможно, лежащие в руинах города Владимиро-Суздальской земли.

Удары монголов по Рязани, Коломне, Москве, Владимиру, Суздалью, Ростову, Нижнему Новгороду, Ярославлю, Галичу, Козельску, Торжку оставили у русских впечатление шока и ужаса. Батыевы полчища прошли по северо-востоку Руси подобно «огненной реке», в некоторых княжествах разорив и уничтожив до двух третей всех поселений. Большая масса городских и сельских жителей погибла под ударами монгольских сабель и в огне пожаров — такую или похожую картину рисовали русские летописцы. Часть русского населения была угнана в плен. Многим пришлось спасаться бегством в леса. В 70-е гг. XIII в. владимирский епископ Серапион так живописал последствия батыева погрома: «Разрушены божественные церкви; кровь отцов и братьев наших, как вода обильная, землю напоила; дети наши в

плен уведены были; сёла наши лесом заросли; величие наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше разграблено, труды наши язычники присвоили; земля наша иноплеменникам досталась» [2, с. 162].

Положение Руси было плачевно, ждать помощи извне ей не приходилось. Византия была под властью крестоносцев, а католическая Европа не только не сочувствовала русским, но и стремилась воспользоваться их бедственным положением, чтобы подчинить их и заставить отказаться от православия. Ещё не остыли пожары на месте русских городов, когда Григорий IX объявил о подготовке нового крестового похода против русских «схизматиков», пообещав «прощение грехов» участникам похода за выполнение «святой миссии», направленной на искоренение православия и подчинение Руси папскому престолу [3, с. 293]. Подготовка крестового похода заняла два с лишним года.

В 1240 г. Батый разгромил Южную Русь, нанеся тяжелейший урон Киеву, Чернигову, Владимиру-Волынскому, Берестью и другим городам. В том же году, воспользовавшись сложным положением Руси после батыева разорения, шведские рыцари, поощряемые папой римским, высадились с кораблей в устье Невы, собираясь двинуться вглубь новгородских владений. Отпор шведам дал молодой князь Александр, сын Ярослава Всеволодовича. Перед битвой он обратился к дружине со словами, выразившими дух русской православной культуры: «Не в силе Бог, а в правде!» [4, с. 82]. Благодаря смелости и решительности Александра шведские захватчики были разгромлены.

Следом за шведами на Русь вторглись немцы, рыцари Ливонского ордена. Летом 1240 г. они захватили Псков и крепость Копорье, начали грабить новгородские земли. В 1241 г. Александр Невский во главе новгородского войска отбил у немцев Копорье, а в апреле 1242 г., объединив новгородские и владимирские дружины, перешел в контрнаступление, закончившееся разгромом рыцарей на льду Чудского озера. Ледовое побоище положило предел натиску крестоносцев на русские земли.

После серии военных побед перед Александром Невским и его отцом Ярославом встала непростая задача — осуществить геополитический выбор, определив, кто — Батый или крестоносцы — более опасен для Руси с точки зрения сохранения исторических перспектив. Ясно было одно: раздробленная Русь не в состоянии воевать на два фронта, не имея достаточных сил, чтобы справиться со столь сложной задачей. В истории народов, как и в жизни отдельных людей, не всегда приходится выбирать между «хорошим» и «плохим». Нередко выбирать нужно между «плохим» и «очень плохим». В любом случае Руси не удалось бы избежать выбора. Историк Г.В. Вернадский отмечал по этому поводу: «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом» [5, с. 152].

Из двух зол выбирают меньшее. Несмотря на всю тяжесть погрома, устроенного войсками Ба-

тыя, монголы оказались для Руси меньшим злом: они были разорителями, но не завоевателями. Батый жёг и разрушал русские города, но затем он уходил, не оставляя их под своей прямой властью. До Смоленска, Новгорода и Пскова монгольские войска и вовсе не дошли.

А вот главной целью католических рыцарей были захваты новых земель. На Руси знали, что такие захваты принесли западным славянам и прибалтам: за короткий срок были уничтожены славянские племена лютичей и бодричей, прибалтийское племя пруссов. В Латвии и Эстонии захватчики вырезали местную знать, а рядовых жителей превратили в крепостных. Западная экспансия против Руси шла широким фронтом. В ней участвовали не только немцы и шведы, но и поляки с венграми, устремившиеся на Галицию и Волынь.

Католическая агрессия финансировалась папством и несла в себе мощный заряд религиозного фанатизма. Крестоносцы двигались на восток под флагом нетерпимости к иному образу мысли и поведения. Они видели в славянах, балтах и финно-уграх дикарей, варваров. Парадокс заключался в том, что подавляющее большинство рыцарей были неграмотными, ибо папская курия ревностно следила за тем, чтобы никто не нарушал запрет на развитие письменности на родных языках. Римская теократия запрещала рядовым верующим чтение Библии, провозглашая его исключительной привилегией церковников. Мёртвая латынь была недоступна простонародью. Это вполне устраивало католический клир, которому нужна была послушная масса невежественных фанатиков. Папство было настроено на подавление всех несогласных с его политикой. Именно в то время была создана инквизиция, и в Европе запылали костры, на которых горели противники католической церкви.

Религиозный фактор в те времена определял очень многое. Православие, пропитанное духом человеколюбия, в русском сознании ассоциировалось с высокой культурой. Русичи воспринимали его как приобщение к знаниям и не собирались разменивать на католицизм с его обскурантизмом, начётничеством, схоластикой. После провала попыток «окатоличить» Русь с помощью военной силы римский папа Иннокентий IV отправил послание Александру Невскому, предложив Руси своё покровительство при условии её присоединения к латинской вере. Александр отказался принять учение от Рима. Упования папства на то, что русские согласятся поменять православие на католицизм, были заведомо несостоятельными.

В контраст с католической экспансией входила религиозная политика монгольских ханов, подерживавших на подвластных территориях атмосферу веротерпимости. По убеждению Г.В. Вернадского, для верного выбора линии политического поведения «нужно было отчетливо сознавать и глубоко чувствовать — инстинктом, нутром, так сказать, — исторический смысл своеобразия русской культуры — православие» [5, с. 152]. Именно религиозный фактор и оказал определяющее воздействие на стратегический вы-

бор Невского. Этот выбор был сделан в пользу Золотой Орды.

Вопрос об отношениях между Русью и Ордой стал одним из самых полемичных в отечественной историографии. Историки до сих пор спорят о степени тяжести так называемого монголо-татарского ига и его последствиях для хода русской истории. Объективный взгляд на эту проблему затрудняется тем обстоятельством, что даже среди многих ученых-историков монголо-татарское иго рассматривается в одном смысловом ряду с батыевым нашествием.

Трудно сомневаться в том, что это нашествие нанесло русскому народу жестокую рану. Редко кто-то из историков берется отрицать урон, нанесённый Руси вторжением Батыя. Однако необходимо учитывать, что через какое-то время после вторжения на Русь Батый отказался от её тотального разорения, ибо оно означало для монголов добровольный отказ от долговременных выгод. Когда начался сбор дани с русских княжеств, ставшей постоянным источником пополнения монгольской казны, отношения Руси с Ордой приняли более или менее предсказуемые и устойчивые формы. Трагедия 1237 и 1240 гг. не означает, что весь двухвековой период русско-ордынских взаимоотношений нужно изображать исключительно в чёрных красках. После похода Батыя русская история не закончилась. Острота, заложенная в 1237 г. в отношения Руси с ханами, постепенно спадала. Многие зависело от дипломатического искусства русских князей, их стратегического чутья.

Первым из русских князей в ставку Батыя отправился великий князь Ярослав Всеволодович и был принят там с честью: хан признал его право на великое княжение, что и подтвердил специальным ярлыком. Затем Ярослав побывал в Каракоруме — столице Монгольской империи. После его смерти к Батыю поехал Александр Невский. Летописец так осветил этот визит: «Поехал великий князь Александр Невский в Орду к царю, и благословил его епископ Кирилл. Увидев князя, царь Батый подивился и изрёк вельможам своим: “Воистину убедился я, что нет подобного сему князю”. И почтил его многими дарами, и отпустил его с великой честью на Русь» [6, с. 236]. Александр побратался с сыном Батыя Сартаком и заручился поддержкой самого хана для предотвращения новых вторжений с Запада.

Политическая поддержка со стороны Орды немало значила для русских: как писал летописец, «немцы зело бояхуся самого имени татарского» [1, с. 121]. Германский хронист Рейнгольд Гейденштейн отмечал, что Александру Невскому в борьбе против тевтонов помогал татарский отряд, направленный Батыем [2, с. 195]. Есть в летописях сообщения о том, что во время правления хана Менгу-Тимура ордынцы и русские организовывали совместные походы на Литву [6, с. 172] и на Кавказ: «Князи все с царём Менгу-Темирём поидоша в войну на Ясы, и приступиша Рустии князи ко Ясскому городу ко славному дядякову и взяша его месяца февраля (1274 г.)... Царь же Менгу-Темир добром почтил князей Рус-

ских и похвалил их вельми, и одарив их, отпустил каждого в свою отчину» [6, с. 173].

Зависимость Руси от Золотой Орды сомнению не подлежит. Но какова была степень этой зависимости? Насколько верно обозначать ее как «монголо-татарское иго»? Русско-ордынские отношения были непростыми, но сводить их только к беспрестанному давлению на Русь было бы заблуждением. То, что русские князья становились данниками ордынских ханов, не означало тотальной несвободы Руси. Она сохранила собственную княжескую династию, свои законы и свой суд. Князья продолжали править своими городами и уделами, могли самостоятельно определять внешнюю политику. Власть Орды над Русью приняла форму протектората.

В течение некоторого времени дань с русских княжеств собирали баскаки, ордынские налогоборщики. Затем, судя по летописным сведениям, ханы стали практиковать сотрудничество с некими частными лицами, «откупавшими» сбор русской дани. О том, что эти «откупные операции» очень не нравились русичам, свидетельствуют летописи. Так, в сообщении Воскресенской летописи от 1259 г. говорится: «Избавил Бог Ростовские земли от лютого томления бесерменского люда, вложив ярость в сердце христианам, которые не смогли уже терпеть насилия поганых и созвонили вече, и выгнали их из городов: из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, из Переяславля, ибо откупали те окаянные бесермены дани у Татар и оттого пагубу великую творили людям» [6, с. 162-163]. Характерно, что никаких сообщений о ханских репрессиях против русичей, выгнавших откупщиков, летописи не содержат, что подтверждает версию о переходе сбора дани в ведение местных князей. По крайней мере, известно, что московский князь Иван Калита, закрепивший в XIV в. за собой и своими потомками право собирать дань для Орды, не был первым из тех, кто пользовался этим правом.

Что же касается грабительских набегов на Русь со стороны ордынских отрядов, то они, конечно, случались. Их число возрастало в период смут и конфликтов внутри Орды, когда власть сарайских ханов и их контроль над подданными ослабевали. Нередко земли Руси разорялись ордынцами по вине русских князей, о чём рассказывают летописи: «Той же зимы (1278 г.) князь Андрей Александрович испросил себе княжение великое под братом своим старшим князем Дмитрием и привёл с собою рать татарскую, Кавадыя

и Алчедая, и пришёл с ними к Мурому... А татарове рассыпались по всей земле, Муром опустошили, у Владимира, у Юрьева, у Переяславля всё опустошили и пограбили, и в полон увели мужчин, и женщин, и детей... Всё это зло сотворил князь Андрей, добываясь княжения великого, а не по старшинству» [6, с. 175].

Как бы то ни было, стратегический выбор, сделанный Александром Невским, был правильным: заручившись дипломатической поддержкой монголов и страхуя свои тылы, он сорвал агрессивные колонизаторские замыслы католического Запада, сохранил плацдарм для накопления Русью жизненных сил, спас самое ценное наследие — культурную традицию. После кончины князя «бысть во всём народе плачь неутешим» [4, с. 161].

Немаловажным фактором в развитии русско-ордынских отношений было то, что у Руси имелись собственные каналы влияния на Орду. Оно шло через Русскую православную церковь. Прошло не так уж много времени после Батыева погрома, когда в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарае была открыта епархия Русской церкви, что позволило не только защищать интересы живших здесь русских людей, но и проводить миссионерскую и проповедническую деятельность среди местного многоэтничного населения.

В 1279 г. русский митрополит получил от хана охранную грамоту, гарантировавшую неприкосновенность храмов и церковного имущества. Церковь была освобождена от выплаты дани, что позволяло ей укрепить материальную базу для расширения культурно-просветительской миссии. Деятельность православной епархии в Орде не прошла даром: в XIV в. на Русь двинулся поток православных ордынцев. Большинство из них принималось на службу к московскому князю, находившемуся в союзе с православной церковью. Пополнив свою дружину воинами, имевшими высокую боевую выучку, Москва получила военнополитическое преимущество перед другими княжествами.

Историческое творчество Руси в период «ига» не прерывалось, а в сфере культуры и дипломатии оно было отмечено высокой активностью. Именно благодаря этой активности Русь и оказалась геополитической наследницей Золотой Орды, территория которой в XV–XVIII вв. по частям (Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Северный Кавказ, Крым) вошла в состав Российского государства.

Библиографический список

1. Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926.
2. Слово Серапиона Владимирского // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. Сост. Н.К. Гудзий. М., 1952.
3. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.-Л., 1968.
4. Житие Александра Невского // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. Сост. Н.К. Гудзий. М., 1952.
5. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.
6. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Л., 1925.
7. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. СПб., 1889.

S. V. Rybakov

THE STRATEGIC CHOICE OF THE ALEXANDER NEVSKY

The article is devoted to the XIII century, when the Russian land was double aggression from the West and the East. Successfully fight on two fronts weakened by fragmentation of Russia could not. There was need for a balanced geopolitical choice that would allow it to preserve the historical perspective. The choice was made in favor of interaction with the Golden Horde.

the Mongols, the crusaders, the Catholic aggression, Batyev pogrom, Alexander Nevsky, Daniil Galitsky, geopolitical choice, Orthodoxy